

Нейроправо в системе современной юридической науки

Татьяна Владимировна Шатковская^{1, 2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
shatkovskaya.tv@gmail.com, SPIN-код: 1493-4872, <https://orcid.org/0000-0002-1574-4702>

Аннотация

Введение. Развитие нейротехнологий обусловило формирование практик получения и использования нейросведений, которые могут учитываться при правовой оценке поведения человека. В ответ на данные изменения в юридической науке складывается нейроправо как направление исследований, ориентированное на осмысление правовых последствий обращения к нейросведениям. Вместе с тем отсутствует согласованное понимание места нейроправа в системе юридического знания и условий допустимого использования нейросведений в праве, что затрудняет выработку методологических ориентиров их юридической оценки.

Цель. Определение места нейроправа в системе современной юридической науки и обоснование его институционального положения в условиях нейроцифровизации.

Методы. Для достижения указанной цели в статье используется системный метод, позволяющий соотнести нейроправовую проблематику со структурой юридического знания. Формально-юридический метод применяется для выявления условий и ограничений использования нейросведений при правовой оценке юридически значимых последствий поведения человека. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить отечественные и зарубежные подходы к правовой оценке нейротехнологий. Выявление основных проблем нейроправа осуществлялось в рамках теоретико-правового анализа, направленного на установление системных противоречий и доктринальных пробелов, возникающих при применении действующих юридических конструкций к нейросведениям и нейротехнологическим практикам.

Результаты и выводы. Установлено, что развитие нейротехнологий и практик обращения с нейросведениями изменяет условия применения юридических понятий, используемых для оценки поведения лица и правовых последствий этого поведения. Техническая возможность получения и обработки нейросведений расширяет круг фактической информации, используемой при установлении обстоятельств дела и юридической оценке поведения лица, и затрагивает те элементы юридической квалификации, которые ранее формировались исключительно на основе внешне наблюдаемых форм поведения человека. Указанное обстоятельство не отменяет нормативный характер юридических выводов, но требует доктринального определения пределов допустимого использования нейросведений в праве.

В результате исследования нейроправо в системе юридической науки определено как межотраслевое научное направление, выполняющее координирующую методологическую функцию. Оно обеспечивает согласование фундаментальных юридических понятий и отраслевых правовых режимов применительно к использованию нейросведений и нейротехнологических воздействий, сохраняя нормативную автономию права и исключая подмену юридического рассуждения естественнонаучными объяснениями. Полученные результаты подтверждают,

что нейроцифровизация воздействует на юридическую науку как на целостную систему знаний. Она влияет на фундаментальные связи между фактическим поведением и нормативной оценкой и тем самым выходит за рамки технологического или отраслевого феномена. Данное воздействие требует системного теоретико-правового ответа, ориентированного на сохранение внутренней согласованности юридического знания.

Ключевые слова: нейроправо, система юридической науки, когнитивная безопасность личности, отрасль права, нейросведения, нейротехнологии, нейроцифровизация, искусственный интеллект

Для цитирования: Шатковская Т. В. Нейроправо в системе современной юридической науки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 77–89. EDN QDGPWG

Original article

Neurolaw in the system of modern legal science

Tatiana V. Shatkovskaya^{1, 2}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

shatkovskaya.tv@gmail.com, SPIN-код: 1493-4872, <https://orcid.org/0000-0002-1574-4702>

Abstract

Introduction. The development of neurotechnologies has led to the formation of practices for obtaining and using neuroinformation, which can be considered in the legal assessment of human behavior. In response to these changes in legal science, neurolaw is emerging as a direction of research focused on understanding the legal consequences of turning to neuroinformation. At the same time, in legal science there is no agreed understanding of the place of neurolaw in the system of legal knowledge and the conditions for the acceptable use of neuroinformation in law, which makes it difficult to develop uniform methodological guidelines for their legal assessment.

The purpose of the study is to determine the place of neurolaw in the system of modern legal science and overcome the identified uncertainty.

Methods. To achieve this goal, the article uses a systematic method that allows us to correlate neurolegal issues with the structure of legal knowledge. The formal legal method is used to identify the conditions and limitations of the use of neuroinformation in the legal assessment of the legally significant consequences of human behavior. The comparative legal method made it possible to compare domestic and foreign approaches to the legal assessment of neurotechnologies. The identification of the main problems of neurolaw was carried out within the framework of theoretical and legal analysis aimed at establishing systemic contradictions and doctrinal gaps that arise when applying existing legal structures to neuroinformation and neurotechnological practices.

Results and conclusions. It has been established that the development of neurotechnologies and practices of dealing with neural knowledge is changing the conditions for the application of legal concepts used to assess a person's behavior and the legal consequences of this behavior. The technical capability of obtaining and processing neural data expands the range of factual information used in establishing the circumstances of a case and legally assessing a person's behavior, and affects those elements of legal qualifications that were previously formed solely on the basis of externally observable forms of human behavior. This circumstance does not negate the normative nature of legal conclusions, but requires a doctrinal definition of the limits of permissible use of neural science in law. As a result of the study, neuro-law in the system of legal science is defined as an interdisciplinary scientific direction that performs a coordinating methodological function. It ensures the harmonization of fundamental legal concepts and industry standards. legal regimes in relation to the use of neural science and neurotechnological influences, while maintaining the normative autonomy of law and excluding the substitution of natural scientific explanations for legal reasoning. The results obtained confirm that neurociphORIZATION affects legal science as an integral system of knowledge. It affects

the fundamental links between actual behavior and regulatory assessment, and thus transcends the scope of a technological or industry phenomenon. This impact requires a systematic theoretical and legal response aimed at preserving the internal consistency of legal knowledge.

Keywords: neurolaw, system of legal science, cognitive security of the individual, branch of law, neuroscience, neurotechnology, neurodigitalization, artificial intelligence

For citation: Shatkovskaya T. V. Neurolaw in the system of modern legal science. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):77–89. (In Russ.). EDN QDGPWG

Введение

Достоинство личности, неприкосновенность частной жизни и свобода мысли в юридической доктрине традиционно рассматриваются как правовые гарантии автономии личности и как пределы допустимого вмешательства в охраняемую законом психическую сферу личности. Эти положения образуют нормативную основу формирования и применения юридических понятий, предполагающих учёт субъективных факторов поведения человека, включая волеизъявление, ответственность и иные понятия, используемые при юридической оценке поведения и его правовых последствий.

Исторически данные гарантии формировались при допущении, что доступ к психической сфере человека возможен лишь опосредованно – через внешне наблюдаемое поведение и его результаты. В последние годы формируется технологическая среда, изменяющая условия получения и использования юридически значимой информации о психической сфере человека. Речь идёт о нейроцифровизации – совокупности процессов цифрового получения, обработки и интерпретации сведений о мозговой активности человека, обеспечивающих технически опосредованный доступ к отдельным аспектам психической сферы личности, прежде всего к когнитивным процессам.

Эти практики предполагают цифровую фиксацию, алгоритмическую обработку и интерпретацию нейросведений, а также их последующее применение в медицинских, коммерческих, управленческих и прочих целях. В результате становится возможным технически опосредованное обращение к таким характеристикам функционирования мозга, которые ранее не могли учитываться правом.

Изменение условий обращения с юридически значимой информацией о человеке получило отражение в международных и европейских документах, фиксирующих риски, связанные с развитием нейротехнологий, и необходимость дополнительных правовых и институциональных гарантий.

В материалах ЮНЕСКО развитие нейротехнологий прямо связывается с потенциальными нарушениями прав человека и подчёркивается необходимость предотвращения злоупотреблений, а также обеспечения уважения автономии личности. Одновременно отмечается устойчивый рост инвестиций в данную сферу как индикатор расширения соответствующих практик¹. Документы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) формируют рамочный подход к ответственному развитию и использованию нейротехнологий, связывая их с требованиями подотчётности, управления рисками, безопасности и соблюдения прав человека².

В исследовании Европейского парламента 2024 г. анализируются правовые и этические вызовы, связанные с использованием нейротехнологий в отношении внутренней когнитивной сферы личности, а также обсуждается соотношение предложений о «нейроправах»

¹ UNESCO. Ethics of neurotechnology: UNESCO adopts the first global standard in the cutting-edge technology // <https://www.unesco.org/en/ethics-neurotech?hub=83294>.

² OECD Legal Instruments: карточка инструмента OECD/LEGAL/0457 // <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0457>.

с действующими механизмами защиты прав человека¹. Ряд программных и рекомендательных документов, включая Европейскую хартию ответственного развития нейротехнологий (2025), свидетельствует об институционализации данной проблематики и её включении в регуляторную повестку².

Указанные изменения послужили основанием для формирования в юридической науке нейроправовой проблематики, направленной на теоретическое осмысление правовых последствий использования нейросведений и нейротехнологий. В рамках данной проблематики анализируются особенности применения и интерпретации сложившихся юридических понятий при правовой оценке поведения человека в ситуациях использования нейротехнологий и нейросведений.

Речь идёт прежде всего о таких правовых конструкциях, как юридическая ответственность, действительность волеизъявления, допустимость доказательств, применение которых традиционно основывалось на оценке внешне наблюдаемых форм поведения человека. Появление практик использования нейросведений ставит вопрос о применимости указанных конструкций при изменении фактической базы юридической оценки поведения. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость определения места нейроправовой проблематики в системе юридической науки и установления границ допустимого обращения к данным нейронаук в юридических исследованиях.

Отсутствие согласованных подходов, позволяющих определить место нейроправа в системе современной юридической науки, разграничить нормативный и эмпирический уровни анализа при обращении к нейросведениям и установить условия их юридической релевантности, определяет проблематику настоящего исследования. Цель исследования состоит в определении места нейроправа в системе современной юридической науки и обосновании его институционального положения в условиях нейроцифровизации.

Для достижения цели исследования используется системный метод, позволяющий соотнести нейроправовую проблематику с существующей структурой юридической науки и выявить её место среди иных направлений юридического знания. Формально-юридический метод позволил установить пределы применимости традиционных правовых конструкций в условиях нейроцифровизации.

Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления отечественных и зарубежных доктринальных подходов к правовому осмыслению нейротехнологий и нейроданных. Историко-правовой анализ позволил проследить эволюцию представлений о допустимых границах юридического вмешательства в когнитивные процессы человека. Междисциплинарный подход выступает способом разграничения юридического и неюридического уровней исследования при рассмотрении нейроправовой проблематики.

Степень разработанности проблематики и выявление доктринальных пробелов

В зарубежной юридической литературе нейроправовая проблематика представлена совокупностью работ, различающихся по предмету и уровню теоретической анализа. Значительная часть исследователей сосредоточена на прикладных вопросах использования нейронаучной информации в уголовном и уголовно-процессуальном праве, включая допустимость нейродоказательств, влияние нейросведений на оценку вины и ответственности, проблемы причинной связи, а также возможности прогнозирования поведения и рисков.

¹ European Parliament (EPRS). The protection of mental privacy in the area of neuroscience: Societal, legal and ethical challenges (2024) (PDF) // [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU\(2024\)757807_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU(2024)757807_EN.pdf).

² European Brain Council. European Charter for the Responsible Development of NeuroTechnologies (2025) // <https://www.braincouncil.eu/wp-content/uploads/2025/04/European-Charter-for-the-Responsible-Development-of-NeuroTechnologies-FINAL.pdf>.

В рамках данного подхода анализируются преимущественно конкретные правоприменительные ситуации и судебные кейсы, что характерно для работ О. Джонса, Ф. Шена, М. Фарахани, Х. Грир и других авторов, исследующих потенциал и ограничения нейронаучных данных в судебной практике.

Особое место в научной литературе занимают труды С. Морса, в которых последовательно обосновывается тезис о недопустимости подмены нормативных юридических критериев нейробиологическими объяснениями поведения. Морс показывает, что нейронаучные данные могут уточнять фактические обстоятельства, но не способны заменить юридическую квалификацию и не устраняют необходимость нормативной оценки. Разработанная им концепция «синдрома чрезмерных утверждений» имеет общее теоретико-правовое значение. Она направлена на сохранение дисциплинарных границ юридического рассуждения и предупреждение натуралистической редукции права [1, с. 82, 83].

Наряду с этим в зарубежной доктрине сформировался массив теоретико-правовых исследований и работ в области прав человека, посвящённых рискам, возникающим в связи с технически опосредованным доступом к когнитивным процессам человека. В этих работах обсуждаются вопросы когнитивной свободы, психической целостности, защиты от манипулятивного воздействия и адекватности существующих правовых гарантий. Так, в исследовании М. Йенки и Р. Андорно предложена система «нейроправ» и показано, что нейротехнологии затрагивают элементы автономии и приватности, не всегда в полной мере охватываемые традиционными правовыми средствами защиты [2, с. 4, 5].

Смежные вопросы развиваются в исследованиях, посвящённых защите нейроданных и необходимости предотвращения вредоносного использования нейросведений. В них подчёркивается ограниченность классических моделей защиты, ориентированных исключительно на режим персональных данных [3, с. 3,4].

Вместе с тем в значительной части научных работ юридическое исследование осуществляется в рамках расширенного междисциплинарного контекста. В них нейроэтические и философские подходы задают проблематику и направление рассуждения. В результате нейроправо в таких работах выступает либо как условное обозначение круга правовых проблем, связанных с развитием нейротехнологий, либо как производное от доктрины прав человека.

В российской юридической науке интерес к нейротехнологиям и связанным с ними правовыми рисками возрос. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесён И. А. Филиповой, в трудах которой последовательно анализируются правовые последствия внедрения нейротехнологий, включая вопросы защиты прав личности, допустимых ограничений и процессуальных эффектов [4, с. 33, 34].

Регуляторные модели и риски отсутствия специальных правовых режимов рассматриваются в сравнительно-правовом ключе в работах М. В. Посадковой [5, с. 50]. Конституционно-правовые аспекты нейроправ и их связь с достоинством личности и психической неприкосновенностью исследуются И. Ю. Крылатовой [6, с. 106]. Проблематика «новых прав» и их соотношение с традиционными правами человека анализируется в публикациях В. И. Красикова и других авторов [7, с. 67, 68].

В научной литературе представлены исследования, в которых определяется соотношение нейротехнологий с режимом персональных данных и проблематикой психологической автономии личности [8, с. 715], а также рассматриваются международно-правовые подходы к защите целостности личности в условиях развития нейротехнологий [9, с. 94, 95]. Наряду с этим в ряде публикаций проводится сопоставление отечественных доктринальных позиций с зарубежными правовыми подходами к защите когнитивных процессов человека.

Несмотря на расширение круга исследований, осмысление нейроправовой проблематики в юридической науке носит фрагментарный характер, вследствие чего место нейроправа в системе юридического знания остаётся неопределённым.

Понятийный аппарат юридической науки в условиях нейроцифровизации

Нейроцифровизация формирует совокупность практик, в результате которых изменяются условия применения и интерпретации юридических понятий. Речь идёт о расширении возможностей технической фиксации и обработки сведений, относящихся к когнитивным и психофизиологическим процессам человека, а также о практиках целенаправленного воздействия на такие процессы. Это актуализирует вопрос о юридической релевантности нейросведений и о пределах их допустимого учёта при правовой оценке поведения в свете конституционных гарантий личности.

В российском праве такие юридические понятия, как дееспособность, действительность волеизъявления, юридическая ответственность основываются на презумпции способности лица понимать значение своих действий и руководить ими. В гражданском законодательстве эта презумпция конкретизируется через нормы о недействительности сделок (ст. 171, 176, 177), в рамках которых юридические последствия ставятся в зависимость не от медицинского диагноза как такового, а от юридически значимой утраты способности к осознанному и свободному формированию воли¹.

В условиях нейроцифровизации возникает риск интерпретации нейросведений как непосредственного и исчерпывающего основания для установления недееспособности лица. Подобный подход методологически некорректен, поскольку юридическая оценка не тождественна медицинскому или нейрофизиологическому описанию и предполагает нормативное соотнесение фактических данных с правовыми последствиями. Поэтому для юридической науки принципиальное значение сохраняет разграничение между сведениями о состоянии лица и выводом о его юридической значимости. На этом уровне, как указывает С. Морс, возникает опасность подмены юридического рассуждения нейронаучными объяснениями, когда, например, последние воспринимаются как достаточное основание для пересмотра критериев юридической ответственности [10, с. 400].

Сходные вопросы возникают в сфере применения юридических понятий, обеспечивающих реализацию конституционных гарантий автономии частной жизни и свободы мысли. Конституция РФ закрепляет свободу мысли, запрет принуждения к выражению убеждений и охрану частной жизни (ст. 23, 24, 29). В юридической доктрине данные положения рассматривались как направленные на защиту внутренней сферы личности от произвольного контроля и внешнего давления. Нейроцифровизация осложняет применение этих гарантий, поскольку извлечение и интерпретация нейросведений возможны без активного волеизъявления субъекта, а результаты такой обработки могут использоваться при принятии управленческих и иных юридически значимых решений.

Международные документы, включая рекомендации ЮНЕСКО по этике нейротехнологий, прямо указывают на риски нарушения прав человека и необходимость дополнительных правовых гарантий, ориентированных на защиту автономии личности и предотвращение злоупотреблений². Верховный суд Чили в решении от 9 августа 2023 г. признал особый правовой режим защиты данных мозга и охрану *ментального пространства* как самостоятельный элемент прав человека [11, с. 3–5]. В связи с этим возникает вопрос о применимости действующих правовых режимов информации и персональных данных к регулированию обращения сведений, относящихся к когнитивным процессам человека.

В условиях использования нейросведений возникают сложности в применении понятий доказательства и допустимости доказательств. Уголовно-процессуальное право закрепляет принцип недопустимости доказательств (ст. 74, 75), полученных с нарушением

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32, ст. 3301.

² UNESCO UK. The Recommendation entered into force on 12 November 2025; investment surge data (информационный материал) // <https://unesco.org.uk/news/unesco-adopts-first-global-framework-on-neurotechnology-ethics>.

закона, что имеет непосредственное значение для нейротехнологических методов фиксации информации, затрагивающих конституционные права и требующих как согласия лица, так и соблюдения процедур судебного контроля в случаях, предусмотренных законом¹.

Проблема не исчерпывается формальной законностью получения данных. Нейросведения обладают высокой степенью научной и визуальной убедительности, что повышает риск их некритичного восприятия в качестве объективного доказательства. Между тем юридическая доказанность предполагает проверяемость, состязательность и возможность критической оценки как метода получения, так и интерпретации информации.

В зарубежной доктрине и практике данный эффект описывается как риск «нейрогиперболизации», при котором научная сложность и наглядность нейроизображений подменяют юридическую оценку допустимости и доказательной силы. Это обстоятельство указывает на необходимость разработки понятийных и процессуальных фильтров, предотвращающих смешение научной вероятности и юридической доказанности.

Таким образом, нейроцифровизация ставит под вопрос применимость ряда устоявшихся юридических понятий, прежде всего связанных с оценкой способности лица к волеизъявлению, с пределами допустимого вмешательства в охраняемую частную сферу и с критериями допустимости доказательств. Указанные проблемы не могут быть разрешены в рамках изолированных отраслевых подходов, поскольку они затрагивают общие основания юридической квалификации и аргументации. Это обстоятельство обуславливает необходимость их теоретического осмысления и служит предпосылкой для постановки вопроса о статусе нейроправа как особого научного направления.

Нормативные основания нейроправа в российском законодательстве

Определение места нейроправа в системе юридической науки предполагает выявление тех нормативных положений действующего российского законодательства, которые позволяют осуществлять правовую оценку нейротехнологических практик. Нейроправо в этом смысле не возникает вне правового поля и не требует конструирования специальных «новых» норм. Напротив, его предмет формируется на основе действующих конституционных и отраслевых установлений, применение которых в условиях нейроцифровизации способствует выявлению их интерпретационных и регулятивных пределов.

Особое значение в этом отношении имеют положения Конституции РФ, закрепляющие достоинство личности (ст. 21), свободу мысли, запрет принуждения к выражению убеждений и охрану частной жизни (ст. 23, 24). Указанные конституционные гарантии определяют пределы допустимого вмешательства в личную сферу и служат нормативной основой для правовой оценки практик, связанных с технически опосредованным получением и использованием сведений, затрагивающих формирование убеждений и волеизъявление личности. На уровне конституционного регулирования закреплена недопустимость произвольного контроля над формированием личных убеждений и волеизъявления (ст. 29), что приобретает особое значение в контексте применения нейротехнологий.

Отраслевое законодательство развивает и конкретизирует указанные конституционные гарантии, устанавливая специальные правовые режимы обращения информации, условий вмешательства и процессуальных ограничений. Закон о персональных данных содержит требования законности, соразмерности и целевого ограничения обработки информации (ст. 5), а также условия получения согласия субъекта, что может иметь значение для нейросведений при их квалификации в качестве персональных данных (ст. 6, 9)².

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.), ст. 3451.

Закон об информации определяет общие правила обращения информации, основания ограничения доступа и запреты на неправомерное распространение сведений (ст. 6–9)¹. Закон об основах охраны здоровья граждан формирует правовой режим медицинского вмешательства, включая институт информированного добровольного согласия (ст. 20) и право на отказ от медицинского вмешательства, что значимо для медицинских нейротехнологий и процедур, имеющих медицинский компонент².

Трудовое законодательство устанавливает ограничения обработки персональных данных работника и пределы их использования работодателем (ст. 86–90 ТК РФ), имеющие юридическое значение при возможном внедрении нейромониторинга в сфере труда³.

Гражданское законодательство, в свою очередь, связывает юридические последствия с состоянием лица, в том числе при оценке действительности волеизъявления (ст. 177 ГК РФ), что становится значимым при попытках использования нейросведений для ретроспективной оценки способности лица понимать значение своих действий.

Вместе с тем обращение к нейротехнологическим практикам показывает пределы применения указанных норм. Режим персональных данных ориентирован преимущественно на регулирование обращения внешне фиксируемой информации и не учитывает в полной мере особенности нейросведений, связанные с возможностью вывода информации о когнитивных состояниях личности и с рисками их последующего манипулятивного использования.

В зарубежной доктрине это обстоятельство приводит к смещению акцента с формального соблюдения правил обработки данных на оценку допустимости конкретных способов их использования. Сходные ограничения обнаруживаются при обращении к согласию как юридическому основанию допустимости вмешательства. Формальное соблюдение установленных требований к его получению не гарантирует юридической значимости согласия в ситуациях, когда волеизъявление формируется в условиях фактической зависимости лица либо при отсутствии у него возможности адекватно оценить характер и последствия соответствующих действий, что особенно актуально за пределами медицинского вмешательства.

Проблемы выявляются и в процессуальной сфере. Уголовно-процессуальное законодательство РФ закрепляет правило о недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований закона (ст. 75 УПК РФ). В зависимости от характера вмешательства такие способы могут требовать не только волеизъявления лица, но и соблюдения процедур судебного контроля, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Даже при формальном соблюдении требований законности получения нейросведений сохраняется вопрос о возможности их процессуальной проверки. Использование подобных сведений предполагает установление прозрачности применяемого метода, воспроизводимости полученных результатов и наличия процессуальных средств для оспаривания выводов, основанных на нейротехнологической информации.

Отсутствие таких возможностей несовместимо с принципами состязательности и равноправия сторон и ставит под сомнение допустимость использования нейросведений в доказывании⁴. Это обстоятельство указывает на необходимость доктринальной конкретизации условий, при которых нейросведения могут приобретать доказательственное значение в процессе.

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.), ст. 3448.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48, ст. 6724.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.

⁴ European Parliament (EPRS). The protection of mental privacy in the area of neuroscience: Societal, legal and ethical challenges (2024) (PDF) // [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU\(2024\)757807_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU(2024)757807_EN.pdf)

Таким образом, российское законодательство содержит нормативные основания для правовой оценки нейротехнологических практик. Однако применение действующих норм к нейросведениям и нейровмешательствам указывает на их пределы и отсутствие согласованных доктринальных подходов к их преодолению. Это обуславливает необходимость теоретико-правового анализа действующих норм, направленного на выявление условий их применимости к подобным практикам.

К вопросу о месте нейроправа в системе юридической науки

Определение места нейроправа в системе юридической науки осуществим на двух уровнях анализа: институциональном и функциональном. Институциональный уровень связан с определением положения нейроправа в структуре юридического знания и его соотношения с отраслевыми и фундаментальными юридическими дисциплинами. Функциональный уровень отражает роль нейроправа в развитии и согласовании юридических понятий и институтов в условиях использования нейротехнологий.

С институциональной точки зрения нейроправо не может быть определено как самостоятельная отрасль права или отрасль юридической науки. Отрасль предполагает относительную однородность регулируемых общественных отношений и наличие специфического метода правового регулирования. Нейротехнологические практики, напротив, затрагивают разнородные сферы правового регулирования, включая конституционные гарантии личности, режим информации и персональных данных, медицинское вмешательство, контроля в сфере трудовых отношений, гражданско-правовые конструкции волеизъявления и ответственности, процессуальные требования к использованию доказательств и др. Эти отношения охватываются существующими отраслями права, и их объединение в новую отрасль неизбежно привело бы к дублированию отраслевой догматики либо к методологически необоснованному расширению отраслевых границ.

В этой связи нейроправо следует рассматривать как межотраслевое направление юридической науки. Его институциональное единство определяется не выделением самостоятельного предмета регулирования, а общностью правовых проблем, возникающих при применении действующих норм и институтов в ситуациях использования нейросведений и нейротехнологических воздействий.

С позиций функционального подхода нейроправо обеспечивает согласование применения конституционных и отраслевых правовых институтов в условиях, когда нейротехнологии становятся источником юридически значимой информации или средством воздействия на поведение человека. При этом нейроправо не подменяет отраслевые механизмы правового регулирования и не формирует автономных нормативных моделей. Оно ориентировано на уточнение условий и пределов использования существующих юридических конструкций.

Функциональная роль нейроправа проявляется, в частности, при оценке действительности волеизъявления, юридической ответственности и допустимости доказательств. Развитие нейротехнологий расширяет способы получения фактической информации, но юридическое значение таких сведений определяется не их научной или технической характеристикой, а их соотношением с нормативными критериями, закреплёнными в соответствующих отраслях права. Нейроправо в этом смысле задаёт методологические ориентиры, предотвращающие подмену нормативной юридической оценки междисциплинарными описаниями.

Таким образом, нейроправо следует рассматривать как межотраслевое направление юридической науки. В институциональном отношении оно не образует самостоятельной отрасли и не подменяет отраслевые юридические дисциплины, а объединяет исследования, относящиеся к различным правовым режимам и институтам. В функциональном отношении нейроправо выполняет методологическую задачу согласования применения

юридических понятий и правовых конструкций при использовании нейросведений и нейротехнологических воздействий. Такое понимание позволяет избежать как искусственного конструирования новой отрасли права, так и фрагментации нейроправовой проблематики на разрозненные прикладные исследования.

Основные проблемы нейроправа как научного направления

Определение нейроправа в качестве межотраслевого направления позволяет выделить круг основных проблем, имеющих общее значение для юридической науки и не сводимых к задачам отдельных отраслей. Эти проблемы обусловлены появлением нейросведений и нейротехнологических практик как юридически релевантного фактора, требующего согласованного применения с действующими правовыми институтами.

Первая проблема состоит в юридической квалификации нейроданных и установлении пределов их использования вне медицинской сферы. Законодательство о персональных данных закрепляет универсальные принципы обработки информации, но нейроданные по своим свойствам способны раскрывать сведения о когнитивных состояниях и устойчивых характеристиках личности. Это отличает их от большинства традиционных персональных данных и связано с повышенными рисками профилирования, дискриминации и манипулятивного воздействия.

В научной литературе подчёркивается, что формального соблюдения режима конфиденциальности в таких случаях недостаточно, поскольку вред может быть причинён и при формально законной обработке данных. В этой связи нейроправовая проблематика выходит за рамки вопроса о защите информации и предполагает постановку вопроса о допустимости отдельных способов использования нейроданных, прежде всего в немедицинских сферах – трудовых отношениях, образовании и коммерческих практиках [12, с. 205, 206]. Такой подход соответствует международным рекомендациям, ориентированным на управление рисками и подотчётность при использовании нейротехнологий¹.

Второй проблемой является соотношение свободы мысли и технически опосредованного получения нейросведений. Конституционные гарантии свободы мысли традиционно рассматривались как запрет идеологического принуждения и цензуры. В условиях нейроцифровизации актуализируется иной аспект данной гарантии – недопустимость технологического вмешательства в процессы формирования намерений, предпочтений и решений. В юридической науке требуется уточнение критериев, позволяющих разграничить допустимое получение информации о человеке и вмешательство, затрагивающее охраняемую сферу свободы мысли. На международном уровне данная проблема рассматривается в контексте рисков «ментальной слежки» и манипулятивного воздействия, что отражено в документах ЮНЕСКО и аналитических материалах Европейского парламента².

В качестве третьей проблемы выделим использование нейросведений в судебном доказывании. Применение нейротехнологий ставит вопрос о критериях юридической оценки таких сведений, прежде всего о требованиях к способу их получения и возможности процессуальной проверки. Нейросведения обладают высокой научной и визуальной убедительностью, что создаёт риск придания им повышенного доказательственного значения без достаточной нормативной оценки. В доктрине данный риск описывается как феномен «нейрогиперболизации», при котором данные нейронаук воспринимаются как самостоятельное основание для юридических выводов без их нормативной проверки. В этих условиях

¹ Neurotechnology Toolkit: Implementing the OECD Recommendation on Responsible Innovation in Neurotechnology (апрель 2024) // <https://www.neuron-eranet.eu/wp-content/uploads/neurotech-toolkit-implementing-OECD-Recommendation.pdf>

² European Parliament (EPRS). The protection of mental privacy in the area of neuroscience: Societal, legal and ethical challenges (2024) (PDF) // [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU\(2024\)757807_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU(2024)757807_EN.pdf)

обращение к нейросведениям допустимо лишь при соблюдении требований законности их получения, прозрачности используемых методов и обеспечении возможности оспаривания выводов, основанных на таких данных.

Четвёртая проблема, как представляется, состоит в распределении юридической ответственности в ситуациях нейротехнологического опосредования поведения человека. Применение нейротехнологий способно усложнять установление причинной связи между поведением лица и наступившими правовыми последствиями. Фактическое поведение формируется под воздействием совокупности технических и организационных факторов, включая характеристики используемых устройств, алгоритмы обработки нейросведений и управленческие решения субъектов, осуществляющих эксплуатацию соответствующих технологий. Это требует разграничения юридически значимых факторов поведения и оценки вклада различных участников – пользователя, разработчика, оператора и организации – с точки зрения контроля над риском и обязанностей по обеспечению безопасности. Такой подход согласуется с общими принципами распределения рисков в праве и отражён в международных рекомендациях и экспертных документах¹.

В совокупности указанные проблемы подтверждают, что нейроправо не сводится к регулированию отдельных технологий или массивов данных. Оно формирует самостоятельное межотраслевое пространство теоретико-правового исследования, в рамках которого уточняются условия применимости действующих юридических институтов к ситуациям использования нейротехнологий и нейросведений.

Заключение

В ходе исследования установлено, что развитие нейротехнологий и практик обращения с нейросведениями изменяет условия применения юридических понятий, используемых для оценки поведения лица и правовых последствий этого поведения. Техническая возможность получения и обработки нейросведений расширяет круг фактической информации, используемой при установлении обстоятельств дела и юридической оценке поведения лица, и затрагивает те элементы юридической квалификации, которые ранее формировались исключительно на основе внешне наблюдаемых форм поведения человека. Указанное обстоятельство не отменяет нормативный характер юридических выводов, но требует доктринального определения пределов допустимого использования нейросведений в праве.

Проведённое исследование показало, что указанные изменения выходят за рамки возможностей отраслевого анализа и требуют межотраслевого научного осмысления. Нейроправовая проблематика одновременно затрагивает конституционные гарантии свободы мысли и автономии личной сферы, режимы обращения информации и данных, институт согласия, процессуальные требования к доказательствам.

Нейросведения могут использоваться для установления обстоятельств дела, но они не подменяют юридические критерии вины, ответственности, действительности волеизъявления и допустимости доказательств. Их юридическое значение определяется не степенью научной убедительности или визуальной наглядности, а соотношением с законодательными нормами, правовыми принципами и конституционными гарантиями правопорядка. Сохранение данного разграничения выступает необходимым условием автономии юридического исследования.

Применение нейросведений в судопроизводстве возможно только при соблюдении общих требований допустимости доказательств. Даже при формальной законности получения нейросведений их использование предполагает проверяемость применяемых методов, возможность процессуального оспаривания интерпретаций и обеспечение

¹ European Brain Council. European Charter for the Responsible Development of NeuroTechnologies (2025) // <https://www.braincouncil.eu/wp-content/uploads/2025/04/European-Charter-for-the-Responsible-Development-of-NeuroTechnologies-FINAL.pdf>

процессуальных прав сторон. При отсутствии таких условий нейросведения приобретают характер фактически неконтролируемого доказательного ресурса.

В совокупности полученные результаты подтверждают, что нейроцифровизация воздействует на юридическую науку как на целостную систему знания. Она влияет на фундаментальные связи между фактическим поведением и нормативной оценкой и тем самым выходит за рамки технологического или отраслевого феномена. Данное воздействие требует системного теоретико-правового ответа, ориентированного на сохранение внутренней согласованности юридического знания.

Таким образом, нейроправо в системе юридической науки следует определить как межотраслевое научное направление, выполняющее координирующую методологическую функцию. Оно обеспечивает согласование фундаментальных юридических понятий и отраслевых правовых режимов применительно к использованию нейросведений и нейротехнологических воздействий, сохраняя нормативную автономию права и исключая подмену юридического рассуждения естественнонаучными объяснениями.

Список источников

1. Morse SJ. New neuroscience, old problems: legal implications of brain science. *Cerebrum*. 2004 Fall;6(4):81-90. PMID: 15986539.
2. Ienca M, Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sci Soc Policy*. 2017 Dec;13(1):5. <https://doi.org/10.1186/s40504-017-0050-1>. Epub 2017 Apr 26. PMID: 28444626; PMCID: PMC5447561.
3. Jwa AS, Poldrack RA. Addressing privacy risk in neuroscience data: from data protection to harm prevention. *J Law Biosci*. 2022 Sep 4;9(2):lsac025. <https://doi.org/10.1093/jlb/lsac025>. PMID: 36072418; PMCID: PMC9444136.
4. Филипова И.А. Нейротехнологии в праве и правоприменении: прошлое, настоящее и будущее // *Правоприменение*. 2022. Т. 6. № 2. С. 32–49. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).32-49](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).32-49). EDN: KTQBMV.
5. Посадкова М.В. Брежнева Е.А. Правовое регулирование нейротехнологий: игра без правил или жесткий контроль? // *Lex Genetica*. 2025. Том 4. № 2. С. 47–62. <https://doi.org/10.17803/lexgen-2025-4-2-47-62>. EDN: QXJBIW.
6. Крылатова И.Ю. Природа нейроправ человека и достоинства личности в условиях развития нейротехнологий, особенности их этико-правового регулирования // *Вестник Гуманитарного университета*. 2024. Т. 12. № 4. С. 104–112. <https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.08>. EDN: XMSLJN.
7. Красиков В.И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // *Вестник Российской правовой академии*. 2023. № 1. С. 65–83. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-65-83>. EDN: QEHURO.
8. Корнехо Я. Нейроправа, нейротехнологии и персональные данные: обзор проблем психологической автономии // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. №2 (3). С. 711–728. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.36>. EDN: SPERFJ.
9. Алиев Д.М. Концепция целостности личности и нейроправа: обзор дискуссионных вопросов // *Московский журнал международного права*. 2025. № 3. С. 92–101. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>. EDN: WMCQAY.
10. Morse S.J. Brain Overclaim Syndrome and Criminal Responsibility: A Diagnostic Note // *Ohio State Journal of Criminal Law*. 2006. Vol. 3. P. 397–412.
11. Cornejo-Plaza MI, Cippitani R and Pasquino V (2024). Chilean Supreme Court ruling on the protection of brain activity: neurorights, personal data protection, and neurodata. *Frontiers in Psychology*. 15:1330439. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1330439>. EDN: FOGSGK.
12. Ди Сальва М. Защита нейроправ в эпоху нейротехнологий и искусственного интеллекта. Этические проблемы права и нейробиологии // *Russian Journal of Economics and Law*. 2025. Том 19. № 1. С. 202–233. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.202-233>. EDN: ZOAPLW.

References

1. Morse SJ. New neuroscience, old problems: legal implications of brain science. *Cerebrum*. 2004 Fall;6(4):81-90. PMID: 15986539.
2. Ienca M, Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sci Soc Policy*. 2017 Dec;13(1):5. <https://doi.org/10.1186/s40504-017-0050-1>. Epub 2017 Apr 26. PMID: 28444626; PMCID: PMC5447561.
3. Jwa AS, Poldrack RA. Addressing privacy risk in neuroscience data: from data protection to harm prevention. *J Law Biosci*. 2022 Sep 4;9(2):lsac025. <https://doi.org/10.1093/jlb/lsac025>. PMID: 36072418; PMCID: PMC9444136.
4. Filipova I.A. Neurotechnologies in law and law enforcement: past, present and future. *Law Enforcement Review*. 2022;6(2):32-49. (In Russ). [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).32-49](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).32-49). EDN: KTQBMV.
5. Posadkova M.V. Brezhneva E.A. Legal regulation of neurotechnologies: a game without rules or strict control? *Lex Genetica*. 2025;4(2):47-62. (In Russ). <https://doi.org/10.17803/lexgen-2025-4-2-47-62>. EDN: QXJBIW.
6. Krylatova I.Yu. The nature of human neurorights and personal dignity in the context of the development of neurotechnologies, features of their ethical and legal regulation. *Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(4):104-112. (In Russ). <https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.08>. EDN: XMSLJN.
7. Krasikov V.I. Features of new human rights in the context of the development of modern neurotechnologies. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2023;(1):65-83. (In Russ). <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-65-83>. EDN: QEHURO.
8. Cornejo Y. Neurorights, Neurotechnologies and Personal Data: Review of the Challenges of Mental Autonomy. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(3):711-728. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.36>. EDN: SPERFJ.
9. Aliev D.M. The concept of personal integrity and neurolaw: a review of controversial issues. *Moscow Journal of International Law*. 2025;(3):92-101. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>. EDN: WMCQAY.
10. Morse stephen. Brain overclaim syndrome and criminal responsibility: a diagnostic note. *Ohio State Journal of Criminal Law*. 2006;(3):397-412.
11. Cornejo-Plaza MI, Cippitani R and Pasquino V (2024). Chilean Supreme Court ruling on the protection of brain activity: neurorights, personal data protection, and neurodata. *Frontiers in Psychology*. 15:1330439. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1330439>. EDN: FOGSGK.
12. Di Salvo, M. (2025). The protection of neural rights in the age of neurotechnologies and AI. The ethical challenge for law and neuroscience. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(1), 202-233. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.202-233>. EDN: ZOAPLW.

Информация об авторе

Т. В. Шатковская – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления; профессор кафедры гражданского права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Information about the author

T. V. Shatkovskaya – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management; Professor of Department of Civil Law, Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 27.02.2026.

The article was submitted 18.01.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 27.02.2026.